

Гора Григорий Калинович, 1928 г.р.

Собиратели: Т.Ч. – Татьяна Алексеевна Чайка
Е.К. – Евгения Косьяненко
Респондент: Г.Г. – Гора Григорий Калинович
Продолжительность интервью: 1 час 09 мин.

Т.Ч.: Мы начинаем интервью с Горой Григорием Калиновичем. Интервью проходит в селе.... Как это село называется? Петровка. Какого района?

Г.Г.: Ну, сейчас Красногвардейского.

Т.Ч.: Красногвардейского района 7 августа 2006 года в Украине. Григорий Калинович, скажите, пожалуйста, сколько Вам лет?

Г.Г.: Сейчас 79-ый.

Т.Ч.: 79-ый. То есть Вы родились в двадцать...

Г.Г.: В 28-м.

Т.Ч.: В 28-м году. Где?

Г.Г.: Ну, я родился на Украине.

Т.Ч.: А где?

Г.Г.: В Кировоградской области Светловодский район, село Глинск называется. Вот там я прожил. Ну, там я прожил всего три года.

Т.Ч.: В возрасте трех лет?..

Г.Г.: Я сюда переехал.

Т.Ч.: С родственниками, да? А почему, почему родственники переезжали сюда?

Г.Г.: А потому, что голод был страшный.

Т.Ч.: То есть это 31-ый год?

Г.Г.: Да-да. В 31-м году у меня там мать померла.

Т.Ч.: Угу.

Г.Г.: А дете-то много нас.

Т.Ч.: Сколько Вас было у мамы?

Г.Г.: Семеро.

Т.Ч.: Вы старший, младший?

Г.Г.: Нет, я самый младший.

Т.Ч.: Самый младший.

Г.Г.: А то все в возрасте. Сейчас нас осталось трое.

Т.Ч.: А тогда в Голодомор кто-то погиб из сестер и братьев?

Г.Г.: Ну как, мы же сюда переехали. Мать одна погибла.

Т.Ч.: Мама погибла. Как звали маму?

Г.Г.: Мама Параска по-украински. Прасковья Иллинична ее звали.

Т.Ч.: И вот они с отцом взяли всех деток.

Г.Г.: Отец сам сюда приехал Крым. Он был, как говорится, специалист. Мельницы там, маслобойни вот эти все. И здесь вот, ну, как сказать... Он сейчас Красногвардейский район.

Т.Ч.: А как это раньше называлось?

Г.Г.: Район?

Т.Ч.: Район, село. Как?

Г.Г.: Тельманский район он раньше назывался. Тельманский район. А станция Курман-Кемельчи.

Т.Ч.: А что это означает? Это татарское название, да?

Г.Г.: Татарское название. Алжел, это деревня Кинжи.

Т.Ч.: Это близко отсюда?

Г.Г.: Миролобовка это здесь. Ну а когда отец сюда забрал нас, построился, значит, на мельнице там это. И девок забрали. Ну, старший брат пошел трактористом.

Т.Ч.: Девоч – это сестер?
Г.Г.: Да. Старший брат стал трактористом. Там курсы были какие-то, и он сразу пошел.
Т.Ч.: А Вам было три года?
Г.Г.: А я, как говорится, ни садиков, ничего, так это. Скитался, как говорится.
Т.Ч.: Как же Вас отец растил без мамы?
Г.Г.: Ну, вот так и растили. Тогда же голодовка была.
Т.Ч.: А здесь?
Г.Г.: Мы, когда оттуда приехали с Украины сюда, так удивились. Ну, сестер он устроил на эти... В столовой там посудомойками.
Т.Ч.: Да, то есть это уже была еда.
Г.Г.: Да. Она все кусочки пособирает нам и, как говорится, кормились. Да и отец, как говорится, уже сейчас прошлое, какой-то там муки возьмет.
Т.Ч.: Где-то можно было?
Г.Г.: Можно было.
Т.Ч.: Не опасно, не опасно было?
Г.Г.: Так, ой, тогда было очень опасно.
Т.Ч.: Очень опасно, очень рисковал.
Г.Г.: Да. Ну, раз у день сварит нам, как говорится по-украински, галушек. Поели и это на весь день, на сутки. Ну и так жили. А потом уже, как говорится, найти ему женщину никто не считал потому, что очень были богатые такие, что ни кола, ни двора, ничего, как оттуда приехали.
Т.Ч.: Да-да.
Г.Г.: Вы сами знаете, с голодного края. Мы спали на соломе. Как говорят по-украински, рядом застлали одно на всех и укрылись. Да и все.
Т.Ч.: И так. А кто здесь жил, вот кто были Ваши соседи? Когда Вы приехали, кто Вас окружал?
Г.Г.: Нет, мы там жили, как говорится, в бане. Баня была и нам квартиру дали да и так и жили без своего.
Т.Ч.: В этой бане?
Г.Г.: Да. Ну, баня такая была колхозная.
Т.Ч.: Угу. При колхозной бане, да?
Г.Г.: Да. И там было ж это...
Т.Ч.: А что это за колхоз был тогда?
Г.Г.: У нас был, это был совхоз.
Т.Ч.: Да...
Г.Г.: Жеркуи.
Т.Ч.: Что это значит?
Г.Г.: Жеркуи. Ну, так назывался, я не знаю.
Т.Ч.: Это что-то татарское, немецкое?
Г.Г.: Все же тогда были татарские названия. Все ж тогда было. Вот Курман-Кемельчи, деревня Кинжи, вот оно такое. Вот совхоз. Мы сразу в совхоз перешли. Там был же этот Жеркуи.
Т.Ч.: Ну а что это означает, Вы не знаете, да?
Г.Г.: Ну, название, по-моему, ну, как...
Т.Ч.: А татары тогда были там или их уже там не было?
Г.Г.: Не было. В том совхозе не было. Татары здесь были вот. Вот это где бройлерная.
Т.Ч.: Да-да-да.
Г.Г.: Образовался Шихель. Шихель – это татарская деревня. Теперь вот оно где это совхоз, ну, как он сейчас называется? Коля, а как этот совхоз в Миролобовке? Янтарь.
Т.Ч.: Но это же теперешнее ее название Янтарное. А раньше было?..

Г.Г.: А раньше было Ташлык-Даир.
Т.Ч.: Это до войны так было, да?
Г.Г.: Да-да. И в войну было.
Т.Ч.: И здесь жили татары?
Г.Г.: Да-да, татары. Вот это жили в Шихель, вот это Ташлык-Даир.
Т.Ч.: Угу.
Г.Г.: И этот еще, забыл уже, как называется. Это кругом у нас татары жили. Такого не было, как сейчас. И они жили себе в колхозе, у них свой председатель, свой бригадир.
Т.Ч.: То есть это был просто татарский колхоз?
Г.Г.: Да. И они полностью все татары.
Т.Ч.: Русских там не было?
Г.Г.: Не было. У ихних селах – нет. У них, они жили так – наш колхоз рядом и их.
Т.Ч.: Ваш колхоз – это какой?
Г.Г.: Ну, это же вот кохоз «Сталинец» был. Ну, Мирлюбовка.
Т.Ч.: Угу.
Г.Г.: Ну, а как же тогда ее называли?
Т.Ч.: Забывается уже.
Г.Г.: Ну, вот я же говорю. Кинжи! Кинжи.
Т.Ч.: А, Кинжи – это деревня. А почему район назывался Тельманский?
Г.Г.: Этого я Вам не скажу.
Т.Ч.: Может, немцы жили рядом где-то?
Г.Г.: А немцы жили много здесь. Здесь много.
Т.Ч.: Значит, были.
Г.Г.: Берлин был.
Т.Ч.: Вот.
Г.Г.: Немецкое.
Т.Ч.: Немецкое.
Г.Г.: Теперь вот Пушкино здесь.
Т.Ч.: Пушкино.
Г.Г.: Перед Пушкиным тоже немцы жили.
Т.Ч.: Немцы?
Г.Г.: Да.
Т.Ч.: Значит, был татарский колхоз, был немецкий колхоз.
Г.Г.: Да-да.
Т.Ч.: А еще?
Г.Г.: И русские, украинцы там.
Т.Ч.: А еврейский кохоз был?
Г.Г.: Еврейский был. Вот 89-ый, вот это Знаменка – это еврейский.
Т.Ч.: Это еврейский. Как назывался, не помните?
Г.Г.: Ну, тогда были участки.
Т.Ч.: А, просто участки.
Г.Г.: 89-ый участок назывался. А так дальше там как-то. Ну, это они даже тут вот кто умрет, они туда на кладбище везут.
Т.Ч.: Там специальный участочек, да?
Г.Г.: Да, там есть кладбище. А сейчас-то там и нету.
Т.Ч.: А вот тогда, когда Вы были мальчиком, это ж три года, 31-ый год... Это все время до войны Вы выросли здесь?
Г.Г.: Да.
Т.Ч.: У Вас друзья были, ровесники, сверстники?
Г.Г.: Ну, как говорится, тогда особенно, как сейчас, не было. Мы в колхозе жили, учились.

Т.Ч.: Ваш колхоз был украинский?
Г.Г.: Да. Там и русские, и украинцы, и с севера приехали.
Т.Ч.: Ни татар, ни немцев там не было? Ни евреев там не было?
Г.Г.: Нет, один немец там был. Учитель.
Т.Ч.: В школе?
Г.Г.: Школа была в Миролубовке до четырех классов. И там был немец этот учитель и одна учительница.
Т.Ч.: Не помните, как их звали?
Г.Г.: Рыб Данила Васильевич. Это немец был. Он же как и директор. Ну, четыре класса.
Т.Ч.: Как директор. Ну, да, первая, начальная школа. А кто там учился? Какие ребята: русские, украинцы?
Г.Г.: Русские, русские все.
Т.Ч.: То есть татар, немцев, евреев там не было?
Г.Г.: Ну, евреев не было у нас. А вот этих, один татарин учился из вот это ж, из этого, как его?
Т.Ч.: Кинжи?
Г.Г.: Нет-нет. Кинжи – это наш колхоз. А вот он из Янтарного вот этого, Ташлык-Даира.
Т.Ч.: Угу.
Г.Г.: Он просто, как говорится, пришел и: «Пускай мой сын учится по-русски».
Т.Ч.: Вот так.
Г.Г.: Вот так.
Т.Ч.: Значит, у Вас...
Г.Г.: Один человек.
Т.Ч.: ...язык был русский?
Г.Г.: Русский. Да, у нас русский.
Т.Ч.: А вот с татарскими школами, с немецкими, еврейскими вы как-то контактировали или нет?
Г.Г.: Нет.
Т.Ч.: Никогда?
Г.Г.: Нет.
Т.Ч.: А на улицах встречались?
Г.Г.: ну, на улицах, как говорится. У нас их не было, а а тогда особенно нигде не разъезжались, хоть и молодые были.
Т.Ч.: И даже близко, да?
Г.Г.: Потому, что у нас свое хозяйство, свое, как говорится. Я, конечно, жил у брата. У меня в 36-м году отца репрессировали.
Т.Ч.: Вот я как раз об этом хотела спросить.
Г.Г.: Забрали. Ну...
Т.Ч.: За что? Как это тогда произносилось? За что?
Г.Г.: Пришла тройка. Взяли и все. А нам только сказали, что Ваш отец, мол, это что-то по политике ляпнул, что ли. А что он там сказал, мы ниоткуда не знаем.
Т.Ч.: Кем он тогда работал? На мельнице?
Г.Г.: На мельнице, да.
Т.Ч.: Вам было 8 лет?
Г.Г.: Ну, да. Ну, 37-38-ой год. Да, в 37-м, кажется, это было. Ото ж забирали специалистов таких. Вот я знаю, что мой отец же как специалист был вот о мельницах этих вот был. Там бухгалтеров знаю.
Т.Ч.: Которых забирали, да?
Г.Г.: Да-да-да.
Т.Ч.: И что, как дальше судьба отца сложилась?

Г.Г.: А нас сразу на это, на это... Это была совхозская та ж баня. Ну, в общем, квартира.

Т.Ч.: Где жили, да?

Г.Г.: Да. И нас на второй день пришли и выгнали.

Т.Ч.: Кто пришел?

Г.Г.: Ну...

Т.Ч.: Власти?

Г.Г.: Мужики пришли два: «Все, освобождайте это». И все. Ну, мы вышли, а куда деваться. А брат уже у меня был старший, уже женился и забрал меня вот это в Миролюбовку. И я у брата все время жил.

Т.Ч.: это старший брат? Как его звали? Это тот, который Вас воспитал, собственно говоря.

Г.Г.: Да. Максимилиан.

Т.Ч.: А что с папой?

Г.Г.: А папу там забрали его. Прислал... нам нарком СССР туда. Ну и говорит: «Меня уже освободили». Как раз это ж война начиналась.

Т.Ч.: Еще перед войной его освободили, да?

Г.Г.: Да. И он... А как он произошел, он рассказывал, что они в лесах были, ну, как заключенные, в лесах.

Т.Ч.: Да-да. На лесоповалах, видимо.

Г.Г.: Да-да-да! А у Перми, город, они приезжали за продуктами. Но он говорит, нас когда привезли, мы ж были эти, как говорится, он из сельского хозяйства, а те все грамотные люди. И там только на лошадях можно было пробираться. Ни машин, ни трактора там не было. Ну, а спросили, кто на лошадях, он и вышел.

Т.Ч.: Ну, конечно, это было его, да?

Г.Г.: Да, его. Ну, там лошади дали им, сани. Там на санях, ни колес нету, ничего. И вот он продукты, а продукты брал он с мельницы. Ну, муку брали, все. Ну, он же как специалист по мельнице и так и там были. А когда война началась, всех мужиков позабিরали. И некому работать на мельнице. Он говорит: «Я смогу, только давайте мне каким образом я буду у Вас работать и что». Ну, и там, в общем, походатайствовал, тот старик был начальник там. И забрали его на мельницу. И он так...

Т.Ч.: И он выжил?

Г.Г.: Да. И он на мельнице так и работал. Его как бы освободили, но сказали: «Домой нельзя ехать».

Т.Ч.: Как его имя, отчество? Он?..

Г.Г.: Ну...

Т.Ч.: Если Вы Калинович, то он?..

Г.Г.: Ну, по-украински Каленик Корнеевич.

Т.Ч.: Ах вот как! То есть он Корней, а по отчеству...

Г.Г.: Нет. Каленик Корнеевич

Т.Ч.: А, Каленик Корнеевич! Все-все-все. Каленик Корнеевич.

Г.Г.: Да-да-да.

Т.Ч.: Поняла, поняла, поняла.

Г.Г.: А когда война уже, как говорится, кончилась, он приехал сюда.

Т.Ч.: Вернулся к Вам?

Г.Г.: Ну, вернулся, да. Но жить, как говорится, негде было ни ему, ни нам. Ну, я у брата так жил и до войны, и учился ж тут.

Т.Ч.: Опять таки, Вы учились в русской школе там?

Г.Г.: Да. Ну, вот это ж вот в Миролюбовке четыре класса.

Т.Ч.: А после четырех классов?

Г.Г.: А после четырех классов я уже работал на тракторах.

Т.Ч.: Так, сколько же Вам было? Двенадцать-тринадцать, ну, после школы.

Г.Г.: Нет, так после четырех война же началась. А войну ж я...
Т.Ч.: Сколько вам было, когда началась война?
Г.Г.: В 41-м году ж.
Т.Ч.: В 41-м году, то есть Вам было двенадцать-тринадцать.
Г.Г.: Да, двенадцать-тринадцать лет.
Т.Ч.: Вы помните, как война началась?
Г.Г.: Ну а чего ж не помню?
Т.Ч.: Расскажите, как Вы это вот как для Вас началась?
Г.Г.: Да что-то у нас такое в Миролюбовке, как говорится, одно, один был этот, радио такое круглое.
Т.Ч.: Тарелка!
Г.Г.: Да.
Т.Ч.: Где висело?
Г.Г.: Ну...
Т.Ч.: На столбе?
Г.Г.: Возле клуба там. И тут сразу, как на войне нам эти, как говорится, ну бригадир, председатель у нас был, там бухгалтер, ну, это все начальство...
Т.Ч.: Угу.
Г.Г.: Им сразу сообщили, что в такое время будет вот это.
Т.Ч.: Сообщение.
Г.Г.: Сообщение. Значит, сели пацаны на лошади и по селу: «Давайте все в это время, очень важное сообщение».
Т.Ч.: В клуб?
Г.Г.: Да-да. Ну, поприходили все и, правда, включили радио: «Началась война».
Т.Ч.: И объявили войну.
Г.Г.: И объявили войну.
Т.Ч.: А церковь в селе была? До войны вообще как?
Г.Г.: Не было.
Т.Ч.: Вообще ничего не было, да?
Г.Г.: У нас нет.
Т.Ч.: И мечети не было здесь?
Г.Г.: Мечеть у шихеле была.
Т.Ч.: Не разрушили до войны?
Г.Г.: Нет, не трогали, ничего не трогали.
Т.Ч.: А здесь ничего не было в селе, церкви не было?
Г.Г.: У нас не было никакой.
Т.Ч.: Значит, поэтому слушали вот эту тарелку?
Г.Г.: Талелку, ну как, сообщения.
Т.Ч.: Ну да.
Г.Г.: А когда объявили: «война», ну тут все как обычно война, начали плакать и женщины, и мужчины.
Т.Ч.: Правда, не бомбили.
Г.Г.: Нет, нас не бомбили. Это ж у четыре часа бомбили Севастополь, Киев и Севастополь. И вот это же нам сразу передали, что война. Все мужчинам явиться, ну, сюда в район.
Т.Ч.: А вот из Вашей семьи было много таких мужчин, которые должны были вернуться в район?
Г.Г.: Ой, ну так у каждого ж были мужики. Это считайте до шестидесяти лет всем же явиться в райвоенкомат.
Т.Ч.: Это призыв до шестидесяти лет? И сколько из вашей семьи?
Г.Г.: А у нас семьи какой? Один брат и все был.
Т.Ч.: А дальше девочки.

Г.Г.: Да. Нас всего двое было: я и брат старший?
Т.Ч.: Максимилиан, да?
Г.Г.: Да. А то все девчата были.
Т.Ч.: Ну и что, он пошел?
Г.Г.: Ну да, а как же. Все ж туда. У нас одна машина в колхозе была, машиной стали возить всех. Выгрузили, приехали, забрали. Ну, в общем, всех туда. А тут распределяли, кто больной был совсем...
Т.Ч.: То есть все-таки как-то отбирали, да?
Г.Г.: Да, немножко да. Маленькая комиссия была, а потом сразу на Симферополь и все.
Т.Ч.: А были те, кто не хотели идти?
Г.Г.: Я такого не слышал.
Т.Ч.: Такого не слышали, да.
Г.Г.: Ну куда же? Как это, в военкомат вызывают, а я не пойду? Такого не было.
Т.Ч.: Даже представить себе такого не могли.
Г.Г.: Да-да.
Т.Ч.: Брата взяли или нет?
Г.Г.: Брата взяли, а потом освободили его по болезни.
Т.Ч.: Вот так. То есть он успел повоевать или?..
Г.Г.: Нет, он просто это... Его взяли, но пробыл немного.
Т.Ч.: Сколько ему лет тогда было? Вам фыло восемь, а ему?
Г.Г.: Он 12-го года
Т.Ч.: Ого, то есть ему было почти тридцать лет!
Г.Г.: Да. Ну, 12-го.
Т.Ч.: Да, конечно, ему было тридцать.
Г.Г.: Ну, вот по болезни и сюда забрали его в НТС. Ну, он был в НТСе, тут он, как говорится, механиком поставили на тракторах этих. Ну, а потом сразу как ото ж немец сильно шел на нас сюда, к октябрьским он уже в Крым пришел.
Т.Ч.: К октябрьским праздникам, да?
Г.Г.: Да-да. Это считайте, совсем мало. Тут сразу оформили брата и все. Собрали все трактора, и - угонять на Керчь через переправу на Кубань тогда.
Т.Ч.: Угу.
Г.Г.: Собрался, и угнали туда его.
Т.Ч.: А Вы?
Г.Г.: Ну, а я что? Я же еще, как говорится, малолетний.
Т.Ч.: То есть Вы с ним оказались или остались здесь?
Г.Г.: А я остался, и жинка его осталась.
Т.Ч.: А, то есть это только мужчин!
Г.Г.: Мужчин.
Т.Ч.: Сопровождать технику.
Г.Г.: Да-да-да. Трактористов, комбайнеров, вот это техников.
Т.Ч.: Ой-ой-ой. А люди все остались.
Г.Г.: А люди все остались.
Т.Ч.: А не предлагали эвакуироваться?
Г.Г.: Нет. Нас нет. Куда там эвакуироваться. Скот уганяли, трактора уганяли, вот такое вот шло и все.
Т.Ч.: А что женщины говорили? Не боялись оставаться? Вот жена брата. Не хотели они уезжать?
Г.Г.: А куда ж уезжать, ну куда уезжать!
Т.Ч.: Угу.
Г.Г.: И чем уезжать? Транспорта нету никакого.

Т.Ч.: Ничего нету. То есть село так и стояло, колхоз оставался вот эти месяцы или нет?

Г.Г.: Колхоз так вот остался, как и был.

Т.Ч.: И урожай собрали?

Г.Г.: Ну да, собирали. Мы ж и так и собирали. Как раз война шла, и собирали.

Т.Ч.: А Вы собирали урожай вот?

Г.Г.: Да-да.

Т.Ч.: Вот все собрали, смолотили.

Г.Г.: Да. Ну, забирали ее, как говорится, на элеватор сюда, мы возили.

Т.Ч.: А была возможность себе немножечко оставить, чтобы хоть какие-то припасы, или нет?

Г.Г.: Да как-то не было вот этого, не было...

Т.Ч.: В голове?

Г.Г.: В голове для себя. Мы же работали тогда на трудодни. Нам же давали зерно. Дадут зерно, и нам хватит.

Т.Ч.: Григорий Калинович, а вот рядом вот эти немецкие колонии-колхозы, еврейские колхозы, татарские колхозы там что-то было слышно? Их эвакуировали или?..

Г.Г.: Да. Немцев. Вот у нас рядом была немецкая деревня. И вот у нас учитель же немец был.

Т.Ч.: Да.

Г.Г.: То им сразу же прельявили эвакуироваться. На каждого по 50 кг потому, что вот учитель... Мы как раз рядом жили и я с ним, у него был такой сын, как я. Одногодки.

Т.Ч.: Вот Ваш ровесник, да?

Г.Г.: Да. И мы так с ним были по-хорошему, запрягли лошади здесь у нас.

Т.Ч.: То есть Вы его провожали?

Г.Г.: Да. И по 50 кг на них и прямо сюда в Курман, как говорится, и был эшелон.

Т.Ч.: Тут железная дорога и тогда была, да?

Г.Г.: Да. И вот их погрузили вот в такие товарные вагоны.

Т.Ч.: Угу.

Г.Г.: И отправили немцев.

Т.Ч.: Всех немцев?

Г.Г.: Да.

Т.Ч.: А евреев?

Г.Г.: А евреи сами тикали!

Т.Ч.: То есть организовано никто не вывозил, да?

Г.Г.: Да.

Т.Ч.: А вот интересно, тогда вот до войны у Вас здесь беженцы были? Вот до 41-го года никто к Вам не бежал? Из Польши, например?

Г.Г.: О таких не слыхали.

Т.Ч.: А слыхали о том, что немцы с евреями делали?

Г.Г.: С евреями?

Т.Ч.: Да.

Г.Г.: Так это в войну.

Т.Ч.: Да! А до войны никто об этом ничего не слышал?

Г.Г.: Нет. Были немцы, были евреи.

Т.Ч.: Ну да, это были свои немцы.

Г.Г.: Да. Наши немцы и евреи.

Т.Ч.: А как слышно было, евреев много эвакуировалось? Или в основном остались?

Г.Г.: Все уходили, все. Ну, в Керчи их там я же не знаю. Там их, когда уже немцы заняли, то они ж не успели эвакуироваться. Там их расстреливали.

Т.Ч.: Вот как. Значит, они не... Значит, там были те, кто не успели эвакуироваться?

Г.Г.: Да-да. А то они они на барже вот это. Мой же брат... там же тоже тракторов... Говорит, что же делают? На баржу ставят трактора, а евреи с чемоданами лезут и себе туда. Ну, каждый хочет спастись.

Т.Ч.: Спасаться, конечно.

Г.Г.: Спасаться. На баржу и переправляет на ту сторону. Вот так вот было.

Т.Ч.: И бомбили же, наверное, эти баржи?

Г.Г.: Да-да-да! Это у нас тут это гнали туда барашек вот этих, все тоже на баржу. «Как только загрузим...» - говорит. Ночью же загружали.

Т.Ч.: Ну да, чтобы...

Г.Г.: «Только тронем, на середку только вышли и...»

Т.Ч.: И сразу!

Г.Г.: И немецкие самолеты. Мгновенно.

Т.Ч.: А вот татарские колхозы они эвакуировались?

Г.Г.: Нет.

Т.Ч.: Нет? Все остались?

Г.Г.: Да, как и сейчас, так и тогда были. Они ж, как говорится, сразу чуть что, идут по власти.

Т.Ч.: Угу.

Г.Г.: Ну, мы как жили? Как говорится, как соседи с ними, да и все.

Т.Ч.: У Вас не было там знакомых, друзей среди них?

Г.Г.: Нет. Они себе, а мы себе.

Т.Ч.: А среди немцев, вот кроме этого мальчика, соседа Вашего?

Г.Г.: Ну, у нас, как говорится, мальчик этот, он же в селе жил. А так не знаю. Ну, так знаешь...

Т.Ч.: А как его звали, не помните?

Г.Г.: Бруно.

Т.Ч.: Угу. А на каком языке они дома разговаривали? На немецком или на русском языке?

Г.Г.: На русском.

Т.Ч.: Между собой тоже на русском, да?

Г.Г.: Да. Я у них часто был потому, что я с ним дружил. И мы рядом жили. Ну. Он на русском. И он же учился на русском. Мы вместе в одном классе.

Т.Ч.: Ясно. А еврейских ребят не было вот так в знакомстве, в дружбе?

Г.Г.: Нет.

Т.Ч.: Не было. Не общались так, да?

Г.Г.: Не общались. У нас их не было, так мы и не общались.

Т.Ч.: А вот смотрите, а вот татар тоже призывали в армию. Они шли в армию или нет?

Г.Г.: Ну тогда же всех!

Т.Ч.: То есть все шли?

Г.Г.: Шли все, а там - не знаю, как.

Т.Ч.: Как было, да. То есть вот они остались. Вы остались и дальше вы помните, как немцы, когда к вам немцы пришли?

Г.Г.: Ну, в 41-м же они к Октябрьской пришли.

Т.Ч.: То есть примерно где-то в ноябре-месяце, да? Вы запомнили это, как немцы у Вас появились?

Г.Г.: А чего же не помню? Мы как раз были возле клуба, но в общем, как говорится, как по-нашему сказать: пацаны же, все надо узнать!

Т.Ч.: А как же!

Г.Г.: Все же надо узнать, и все, как это в селе.

Т.Ч.: А как же!

Г.Г.: Говорят: «Немцы пришли, но мы не видали». Мы ж так это, здесь уже были. Не видим ничего, когда слышим звуки мотоциклов. Они уже не отсюда, а оттуда сзади шли.

Т.Ч.: Как это? То есть со стороны Джанкоя?

Г.Г.: Нет.

Т.Ч.: А как?

Г.Г.: У нас Мироллюбовка так?

Т.Ч.: Да.

Г.Г.: Отсюда я считаю – это ж из центра.

Т.Ч.: А, вот.

Г.Г.: А они уже сзади оттуда.

Т.Ч.: Понятно, только они как бы где-то прошли вперед, а теперь возвращались к Вам.

Г.Г.: Заехали сюда три мотоциклиста, на каждом мотоцикле по три человекаих, с пулеметами все. Ну, зашли, значит, ну, мы ж тоже, кто его знает? Там женщины, мужчины. И это, а у нас как раз был этот памятник Ленина, ну, бюст стоял и все. Ну, один встал, проходит и прикладом его, значит. Кричит: «Вэк!»

Т.Ч.: Сбил?

Г.Г.: Сбил его, да. Зашел в клуб, ну, а в клубе, как обычно, у нас были ж эти...

Т.Ч.: Ну, конечно! Знамена, портреты.

Г.Г.: Портреты все, как говорится, политбюро.

Т.Ч.: Ну да, ну да. Сталина портрет был, Ленина.

Г.Г.: Да, Сталина был, Ленина был. Там Молотов был и все. И они что: посрывали все.

Т.Ч.: Так.

Г.Г.: Все. Ну и, значит, один по-русски говорит: «Надо выбрать старосту».

Т.Ч.: А вот кто-то был, кто говорил по-русски, да?

Г.Г.: Да, был.

Т.Ч.: Григорий Калинович, а Вы вот мальчишки, у Вас же глаза были зоркие, какая там форма у них была, Вы не помните? Может, бляшки какие-то?

Г.Г.: У немцев?

Т.Ч.: Да.

Г.Г.: Ну как, зеленая форма.

Т.Ч.: Обычная.

Г.Г.: Как обычно у немцев показывают. Такие карманы.

Т.Ч.: А вот таких блях железных больших с черепами и крестами не было?

Г.Г.: Не было.

Т.Ч.: Не было.

Г.Г.: Это у эссесовцев.

Т.Ч.: Да-да, я именно это и имела в виду.

Г.Г.: А они не эссесовцы.

Т.Ч.: А они не эссесовцы.

Г.Г.: Они такие просто.

Т.Ч.: поняла, да.

Г.Г.: Стоит с автоматом.

Т.Ч.: То есть мотопехота.

Г.Г.: Да-да. По-моему, так оно называется. И сказал, говорит: надо выбрать старосту, надо то, другое. Ну, когда на второй день уже с района наши приходят. Видимо, тут уже...

Т.Ч.: А как наши? Это кто?

Г.Г.: Русские.

Т.Ч.: Так.

Г.Г.: Уже тут же выбрали.
Т.Ч.: В первый же день.
Г.Г.: Ну да, на первый чи на второй день. Ну, а до нас уже пришли старосты или что. Ну, как говорится, пришли уполномоченные.
Т.Ч.: А кого выбрали, не помните?
Г.Г.: (Пауза) Так, первого я не помню, а второго помню.
Т.Ч.: Второй – это кто?
Г.Г.: Первого, знаете, что у нас. Как-то это... кубанцы сюда. Немец там как зашел, а кубанцы через переправу сюда в Крым.
Т.Ч.: Так.
Г.Г.: То кубанский был первый староста. Я не знаю его фамилии.
Т.Ч.: То есть нездешний.
Г.Г.: Нездешний и не наший. Не селянский. А потом селянского поставили.
Т.Ч.: Кого-то из своих?
Г.Г.: Да.
Т.Ч.: Кого?
Г.Г.: Гончаренка. Гончаренко был один.
Т.Ч.: А выбирали сами люди или немцы назначали?
Г.Г.: Нет, сами люди.
Т.Ч.: Сами люди.
Г.Г.: Ну, того или того, или того, кто там... Ну, проголосовали, выбрали.
Т.Ч.: А вот интересно, Вы были на этих собраниях?
Г.Г.: Ну, был.
Т.Ч.: А было вот такое, что кого-то предлагали, а он отказался?
Г.Г.: Да, отказывались.
Т.Ч.: Отказывались.
Г.Г.: Вот давайте этого или того, за кого будем голосовать. И проголосовали. Значит, ну, этот говорит: «Нет, я не буду». Да тот говорит: «Я не буду». А люди проголосовали, значит будешь. Да. И все. Вот так.
Т.Ч.: Вот так, да?
Г.Г.: Да.
Т.Ч.: А вот того, кто отказывался, с ним ничего не делали?
Г.Г.: Нет, ничего.
Т.Ч.: У Вас вообще вот в эти первые времена кого-то расстреливали?
Г.Г.: У селе?
Т.Ч.: Да.
Г.Г.: Нет.
Т.Ч.: А никого не искали? Коммунистов там, политработников? То есть этого не было, да?
Г.Г.: А таких их у нас и не было, у нас в селе не было. Кто был такие там коммунисты, они ж в армию ушли.
Т.Ч.: То есть никого не осталось?
Г.Г.: Не осталось.
Т.Ч.: А евреев у Вас не искали?
Г.Г.: Нет.
Т.Ч.: Не было такого, да?
Г.Г.: Нет, евреев не искали. А только я помню одно, что в Ялте тогда ж голодовки были. И вот женщины на иачечеках приезжали аж к нам в село.
Т.Ч.: С южного берега, да?
Г.Г.: Да. Ну, там что у них было? Вино, табак, потом вот это оно. Ну, фрукта было, у нас же тут тогда же до войны не было ни одного дерева, ничего нигде, нигде ничего.
Т.Ч.: Степь и степь.

Г.Г.: Степь, да. И все. Сеяли пшеницу, ячмень, ну и кукурузу, подсолнух.

Т.Ч.: Угу.

Г.Г.: Такое степное все, не поливное. Воды у нас же был один колодец на все село. И никакого не было. Такое... То оттуда меняльщики. Там, как бы сказать, одну женщину меняльщики сами...

Т.Ч.: Угу.

Г.Г.: Жили у нас, а она пришла менять.

Т.Ч.: Угу.

Г.Г.: А та ее узнала, что ли. Говорит: «Она еврейка». И к полицаям ее завезли. И где они ее дели, я не знаю.

Т.Ч.: Полицаи были свои?

Г.Г.: Русские.

Т.Ч.: Вот местные или приезжие?

Г.Г.: Был и местный один, а так большинство у нас кубанские козаки.

Т.Ч.: Ага, вот они и были. А кто местный был, не помните?

Г.Г.: Нет.

Т.Ч.: Не из сових, не из хорошо знакомых?

Г.Г.: Ну, там как его... был Пасько.

Т.Ч.: Это из своих, украинец. А кого больше боялись, немцев или полицаяв, кто был страшнее?

Г.Г.: Слушайте. У нас было так. Если надо куда людей или что, немцы приезжают и до старосты.

Т.Ч.: Чтобы староста организовал?

Г.Г.: Нет. Старосте говорят так: «Дай нам сам десять или двадцать человек на работу». А староста с полицаями, а полицай уже знает, кто где, приходит: «Так, собирайся!» Куда? «Собирайся!» Все, собрался и на машины, повезли на работы.

Т.Ч.: Вот так.

Г.Г.: На работы. Ну, как говорится, бывало, ничего, туда отвезут и назад привезут. Ну, там работали, всякие работя давали. У нас тут один случай был вот это здесь в районе. Тут снарядов же было и все, тут же бомбили сильно.

Т.Ч.: Бомбили железную станцию эту, да?

Г.Г.: Да.

Т.Ч.: Вы же совсем близко.

Г.Г.: Ну, тут близко элеватор у нас, был сильнейший элеватор, ну, это наши взорвали его.

Т.Ч.: Когда отступали?

Г.Г.: Да.

Т.Ч.: Угу.

Г.Г.: Взрыв поизошел, загорелось, все горело тут. Все. Вагоны же шли, и снарядами подрывали их партизаны.

Т.Ч.: А, о партизанах. Они где были?

Г.Г.: Здесь за Симферополем.

Т.Ч.: К Вам сюда заходили?

Г.Г.: Заходили. Ну, так заходили, но мы их не знали. Один случай я знаю. Значит, уборка шла это уже в 42-м году. И намолотили ж это все, кучи ж зерна были. И на этих... Когда, значит, приезжает машина, ну, как немецкая машина, в немецкой форме ребята, все с автоматами. До старосты и это, мол, зерна нам надо. Ну, а староста у нас был, как говорится, неграмотный. Ну, как ликбезы раньше были.

Т.Ч.: Это вот этот Пасько?

Г.Г.: Нет, Гончаренко.

Т.Ч.: А, гончаренко. Угу.

Г.Г.: Так, нало зерна. А они говорят: «Как же это мы отдадим, надо ж документ какой-то» Ну, дали ему документ. По-немецки там это написано, орел. Берите. Ну. Ребята они русские, и ни один не заговорил по-немецки. Ну а мы там как, знаешь, бегаем и все. Вот они нагрузили все и улыбаются до русских все. Таки ж свои.

Т.Ч.: И в немецкой ворме.

Г.Г.: Да, полностью все. Нагрузились и все. Ну, этому старосте отдали документ.

Т.Ч.: Угу.

Г.Г.: И уехали. Ну, уехали, так уехали. Когда тут через час примерно приезжает машина, из района отсюда немец. Ну, а немцы у нас большие чины. «У Вас Были здесь такие, машина?» - «Были, нагрузили» - «Кто разрешил?». Ну, а тсаршина: «Вот документ». Ддал им документ, а они глянули на этот документ, вот я вот забылся, начальник этот...

Т.Ч.: Партизанского отряда?

Г.Г.: Да. Кто был? Там подпись была.

Т.Ч.: Его автограф.

Г.Г.: Да, да. Ну, они уже примерно час, как уехали. Ну. Он разворачивается и этого...

Т.Ч.: Старосту?

Г.Г.: Старосту в морду лупит, тот и перекинулся. А он: «Да почему же, за что?» Он говорит: «Ты знаешь, это же партизаны были!»

Т.Ч.: Вот так!

Г.Г.: Откуда же кто что знает. Вот так вот и уехала одна машина была, да.

Т.Ч.: А еще они к Вам заходили сюда?

Г.Г.: Ну, а так нет. Не было же что у нас брать. Зерно позабирают, а дальше что? У нас же...

Т.Ч.: А мальчишки не хотели к партизанам бежать? Не ыбло такого среди Вас, чтобы убежать к партизанам?

Г.Г.: Как же? Во-первых, далеко, а транспорта же никакого у нас.

Т.Ч.: А здесь ближе их не было? Вот только там?

Г.Г.: Нет, это аж за Симферополем в лесах, там могли они скрыться.

Т.Ч.: А в горах, туда вот ближе к южному берегу там не было партизан?

Г.Г.: Так они ж там все везде, я же не знаю там. Я же в тех местах не бывал.

Т.Ч.: Григорий Калинович, а чем Вы кормились? Кто-то же работать был должен здесь.

Г.Г.: Вот мы же так и кормились.

Т.Ч.: То есть немцы оставили структуру колхоза, да? Колхоз остался, как и был?

Г.Г.: Как был и так мы. Только то был колхоз, назывался по-нашему, а у них - община.

Т.Ч.: Ага!

Г.Г.: Община.

Г.Г.: Она имела какое-то имя эта община или просто община?

Г.Г.: Нет. Община, ну, общее все.

Т.Ч.: Понятно.

Г.Г.: Община.

Т.Ч.: А как Вам платили? Или не платили?

Г.Г.: Трудодни так само.

Т.Ч.: То же самое, натуральное...

Г.Г.: Да. Все так само было и все. Мы должны посеять, мы должны вспахать, мы должны собрать.

Т.Ч.: Голода не было?

Г.Г.: Ну, как? Голод ыбл, особенно где женщина, у которой осталось трое-четверо детей, то что же она.

Т.Ч.: И кормильца не ыбло.
Г.Г.: Мужика-то нет.
Т.Ч.: Ну да. А вот как жена Вашего брата? У нее ж, наверное. Дети были маленькие?
Г.Г.: А как же. И у нее трое детей, а я четвертый.
Т.Ч.: И четвертый.
Г.Г.: Ну, я был уже как помощник у нее. Ну. Коровка ж была, как говорится, куры.
Т.Ч.: А, вот все это все-таки было.
Г.Г.: А если коровки у кого-то нету, то уже стопроцентово...
Т.Ч.: А не отбирали немцы, нет?
Г.Г.: Отбирали, если у тебя много их.
Т.Ч.: А много – это тогда считалось сколько?
Г.Г.: Две.
Т.Ч.: Две. Две – это уже много,
Г.Г.: Да.
Т.Ч.: Вот тогда отбирали?
Г.Г.: Да.
Т.Ч.: Ясно. Ну, у Вас была одна?
Г.Г.: Одна была.
Т.Ч.: Понятно.
Г.Г.: А если нету коровы, значит, это голод.
Т.Ч.: А вот татары в полицейских были? Они к Вам приходили или нет?
Г.Г.: Полно. Ну, они до нас не касались. Они в районе вот тут.
Т.Ч.: Вот так. То есть они были начальство?
Г.Г.: Да, они были в районе, а в село до нас не касались.
Т.Ч.: Но Вы знали, что они в районе, что они в полиции. Или в каких-то других организациях были?
Г.Г.: Ну, полицаи. Мы особенно в район сюда не ходили. Тут же не было чего тут ходить.
Т.Ч.: А о крупных расстрелах слышали что-нибудь вот в это время?
Г.Г.: Ну, как о крупных?
Т.Ч.: Ну, чтобы людей сганяли и расстреливали вот поблизости где-то.
Г.Г.: Поблизости здесь не было, а вот там вот в Керчи большинство вот этих вот евреев там сганяли немцы.
Т.Ч.: Именно под Керчь, да?
Г.Г.: Да. А так здесь у нас, ну, кто-то выкажет коммуниста какого-то, расстреливали. У нас в селе никого примерно не расстреливали так.
Т.Ч.: Тут никаких концлагерей близенько здесь не было? Ничего такого?
Г.Г.: А концлагерь у нас в Петровек был. Это, как говорится, при немцах наши военнопленные.
Т.Ч.: То есть там были только военнопленные, да?
Г.Г.: Г.Г.: Да.
Т.Ч.: А никого из цыган?
Г.Г.: Ну, может, там у этих вот и был там цыган чи кто. Ну, я не знаю.
Т.Ч.: А вообще тогда вот по селам цыгане ходили или нет?
Г.Г.: При немцах не было, нет.
Т.Ч.: Боялись.
Г.Г.: Да их же, горорили, расстреливают, как и евреев, вот так и их.
Т.Ч.: Да-да-да. Но конкретно Вы не знаете, вот где и когда?
Г.Г.: Да-да. Не было, не было таких, у нас не было расстрелов там никого.
Т.Ч.: Вы что-то имели, какие-то весточки? Ну, брат вернулся-то рано к Вам.
Г.Г.: При немцах он и пришел сюда.

Т.Ч.: Работал?
Г.Г.: Да! На тракторах, опять же на тракторах.
Т.Ч.: То есть то же, что делал, то и делал?
Г.Г.: Да. Все.
Т.Ч.: Ясно.
Г.Г.: И до конца своей жизни.
Т.Ч.: А скажите, пожалуйста, Вы помните, как тут радио работало вот та тарелка или нет?
Г.Г.: А при немцах нет. То ее сорвали и все, у нас нема нигде ничего.
Т.Ч.: А школа была, Вы могли вот учиться дальше или об этом даже речь не шла?
Г.Г.: Нет, при немцах не было.
Т.Ч.: Не было.
Г.Г.: Не было. Закрыли ее и все.
Т.Ч.: И церкви не было, немцы не восстановили.
Г.Г.: Церква только здесь была в районе, вот где школа у нас, тут была церква.
Т.Ч.: То есть не в Вашем селе, не здесь?
Г.Г.: Нет, у нас не было ничего потому, что было же такое, что каждая женщина хочет, чтобы покрестить.
Т.Ч.: Да-да-да.
Г.Г.: А у нас нет.
Т.Ч.: А ходили туда. А до войны ее там не было? Это ее немцы построили или это просто было?
Г.Г.: Нет. Это в районе одна была.
Т.Ч.: Вот она была. И до войны она была?
Г.Г.: До войны еще? Еще не помню, когда построили.
Т.Ч.: То есть она там так и была?
Г.Г.: А только это...
Т.Ч.: И немцы не разрушили?
Г.Г.: да. Уже наши разрушили.
Т.Ч.: Потом, вот когда пришли... Когда пришли наши?
Г.Г.: В 44-м.
Т.Ч.: В 44-м. Весной, осенью, когда это было?
Г.Г.: Весною, уже вот такая вот пшеница была.
Т.Ч.: Ага, то есть это был где-то май-месяц.
Г.Г.: Нет, апрель.
Т.Ч.: Апрель! Уже в апреле такая пшеница была?
Г.Г.: Да.
Т.Ч.: Хорошо. Ждали их или не очень?
Г.Г.: Ну, а что же делать? Конечно, ждали. Ждали, но боялись. Только потому, что некоторые говорят... Гремит все, стреляют, бьют, бомбят. И говорят: «Еще передовая немецкая не шла, а вот будет когда она отступать, так все спалят, всех убьют».
Т.Ч.: Немцы?
Г.Г.: Да.
Т.Ч.: У Вас вообще вот во время войны, во время эвакуации немцы здесь жили или они только наезжали сюда? Постоянно здесь немцы были?
Г.Г.: Не было.
Т.Ч.: Не было. То есть был староста, свои были, а немцы?
Г.Г.: Не было, никого нигде не было.
Т.Ч.: Вот так, да?
Г.Г.: Да.
Т.Ч.: А как пришли наши?
Г.Г.: Ну а как пришли? Мы ж тоже у каждого из нас были эти окопы.

Т.Ч.: А как это?

Г.Г.: Ну, окоп, в городе окоп.

Т.Ч.: Зачем?

Г.Г.: А как же? Бомбят же!

Т.Ч.: А, то есть это прятались.

Г.Г.: Прятали. А сказали, что немцы вот будут идти, все это по хатам идут и все. Так мы на ночь уходили вот в этот окоп. Может, раздавят еще. Ну, а когда мы, такое не произошло, проехала одна такая брочка какая-то или что, но мы ее не видали. С пулемета прострочили, слышали, и все. И затихло. Слышим зву, ну, танки. Ну, говорят, это ж будет, это ж немцы, эти танки идут, гремит все. Они шли вот где опытная станция, отсюда шли. И как раз туман, рано утром был туман. Ну, кто его знает, мы же, ну, как мы... Наш возраст был такой: заглянуть, что ж такое, что за танки.

Т.Ч.: Ну, еще бы!

Г.Г.: Танки, мы ж их не видели, как говорится. Когда посмотрим, первый танк идет с красным флагом. Ну, это наши.

Т.Ч.: Родовались.

Г.Г.: И стали выходить. А у нас там посередке был колодец. Остановились они возле колодца, из танка вылезли. Правда, там, ну, как говорится, две женщины.

Т.Ч.: Женщины?

Г.Г.: Да.

Т.Ч.: В танке.

Г.Г.: Ну, в военном.

Т.Ч.: Ну, да. Да-да-да.

Г.Г.: И подошли к колодцу и тут же люди, но видали, как что в колодце, не бросали кто. А кто его знает, может, проезжали ночью тут и кинули какой пузырек туда, я не знаю. Ну, вытянули мы воды, там мы качали такими бочками.

Т.Ч.: А, бочками.

Г.Г.: Вытянули. Она, правда, взяла воды: «Сейчас, подождите!» Пошла что-то к танку, что она делала, не знали мы. Ну, в общем, брала анализы.

Т.Ч.: Пробу, наверное.

Г.Г.: Пробу, да-да. «Нет, - говорит, - вода ничего у Вас, не травленая». А так же что...

Т.Ч.: А были случаи, Вы слышали о таком, что отравляли колодцы?

Г.Г.: Ну, может, где-то.

Т.Ч.: У Вас не было.

Г.Г.: Нет, у нас не было. А у нас же колодец был такой вот на 80 м глубины.

Т.Ч.: Ух!

Г.Г.: Да. И что, вот так качали мы так оттуда. Так это ж можно... Не закрывался. Это сейчас-то краны, трубы.

Т.Ч.: Ну да, а тогда...

Г.Г.: А тогда открытый. Пожалуйста, пакет, что-нибудь кинь и затравил.

Т.Ч.: Понятно. Но у Вас, слава Богу, ничего такого не было?

Г.Г.: не было, не произошло такого еще. Это танки зашли наши и слышим, уже завели и поехали дальше. Ну, недолго, минут десять постояли немножко, ну, а все ж убежали, поразбегались всякие. И это, женщины плакали, конечно, что нету, многие ж погибли.

Т.Ч.: Вот. Много из Вашего села погибло?

Г.Г.: Много. Много-много! Много погибло, очень много. И остались женщины, по двое, по трое детей, как говорится. Ну и работа ж опять такая.

Т.Ч.: Немцев не вернули вот тех, которые до войны были?

Г.Г.: Уехали?

Т.Ч.: Да.

Г.Г.: Нет. Никто не приезжал.
Т.Ч.: Ясно. Еврейского колхоза уже не было, так и не было?
Г.Г.: Нет. Вот это в 85-ом якобы был вот потому, что...
Т.Ч.: После войны?
Г.Г.: Да, после войны. Это считайте, в 44-м я ж уже был доризовником.
Т.Ч.: Да, конечно.
Г.Г.: Да, уже в военкомат звали. И в 44-м году меня это в ноябре, уже холодно было, вызвали сюда в военкомат. Нас обучили, и мы как миньорами ходили.
Т.Ч.: По своей местности ходили?
Г.Г.: Да, свой район, да.
Т.Ч.: Разминировали. Да?
Г.Г.: Отсюда мы с райцентра пошли туда, там и евреи были. Мы как раз зашли, а у нас была бумажка такая, что должны обеспечить нас и жильем, и питанием.
Т.Ч.: Это 44-ый?
Г.Г.: 44-ый.
Т.Ч.: А вот подробнее расскажите. Это Вы попали в еврейский колхоз, да?
Г.Г.: Нет, ну да. Еврейский колхоз ото проверили, дальше, дальше поселок.
Т.Ч.: Много их было?
Г.Г.: Кого?
Т.Ч.: В еврейском колхозе в 44-м?
Г.Г.: Да мы там, как говорится, пришли под вечер. Нам, как говорится, поужинать дали, дали жилье, переспали и ушли дальше.
Т.Ч.: То есть Вы там были вечер и ночь?
Г.Г.: Да, а там пошли ж уже русские колхозы, русские.
Т.Ч.: А татарские?
Г.Г.: Ну, а татар сразу же в 44-м году ... Их же как изменников Родины считали.
Т.Ч.: А как это объявляли? Вот как Вы об этом узнали? Это было какое-то официальное объявление или была какая-то газета? Как?
Г.Г.: У нас газеты не было никакой.
Т.Ч.: А вообще вот при немцах были газеты, листовки какие-то?
Г.Г.: Нет, не было ничего у нас.
Т.Ч.: И листовок никаких не было?
Г.Г.: Ну, это листовки где-то кинет самолет како-то, это ж уже наши кидали литсовки: «Не ройте, не помогайте немцам». Такие.
Т.Ч.: А, чтобы не делали окопов.
Г.Г.: Да.
Т.Ч.: Ага. Понятно, понятно. А вот о татарах как стало известно, что их выселяют?
Г.Г.: Ну, сказали это нам, туда в Миролубовку тоже, приехали, значит, отсюда уполномоченные и сказали так: «Татаров сейчас будут выселять». А нас из таких, собрали. Все, там же они все бросают: и коровы, и барашки, ну, все.
Т.Ч.: Богато жили?
Г.Г.: Да нет, небогато жили.
Т.Ч.: Тоже не очень?
Г.Г.: Да ну, зайдешь в дом, да? А мы все, что в доме, брали и вывозили в эту мечеть ихнюю. Да тоже там и не было, что брать. У них основные были шкуры.
Т.Ч.: Ах вот так. Да.
Г.Г.: Да. И все выбирали хлеб, выбирали, у них в ямах был хлеб заложенный, выбирали. Ну, коров зганяли в одно место и, как говорится, распускали их.
Т.Ч.: Угу. Сейчас я поменяю касеточку, одну минутку. Угу.
Г.Г.: А до них приехали войска наши, село окружили, подъехали машины и грузят.
Т.Ч.: Вы видели это?

Г.Г.: Нет, ну я не видел. Ну а кругом военные. А потом нас уже, когда их угнали всех, нас привезли туда и мы собирали это все. Собирали, ну, у них, как говорится, зайдешь в дом... У нас же кровати там и все, а у них – шкуры. Вот это они спали на шкурах. Так тоже жили, ну, как и мы, по-моему, жили. Ни кроватей, ни комодов у них не было. Там у кого-то кровать была, а то все на полу.

Т.Ч.: Забирали всех, женщин и детей не оставляли? Всех-всех забирали?

Г.Г.: Всех до единого.

Т.Ч.: 44-ый год. Сколько ж это продолжалось?

Г.Г.: Ну, с неделю такая шла. И их же как забрали у машины, охрана сюда привезли машину, сдали назад у вагоны и все.

Т.Ч.: И больше ни слуху, ни духу?

Г.Г.: Ну, их, говорят, туда отправили и все.

Т.Ч.: А как вот люди относились к этому, жалели их или наоборот считали, что?..

Г.Г.: Да кто ж их жалеет?

Т.Ч.: Не жалели.

Г.Г.: Да. Никто не жалели потому, что они почти старались быть полицаями стать, старались быть это...

Т.Ч.: И об этом люди знали?

Г.Г.: Знали, да. Был разговор, конечно, не в газетах, ничего, но был разговор, что они у немцев хотели, чтобы дать им русских на сутки поиграться, уничтожить русских. Эт был разговор тогда.

Т.Ч.: Это когда был разговор? В пору, когда немцы, при немцах, да?

Г.Г.: При немцах, да. То это, то немцы не разрешили им эту штуку делать. А так!

Т.Ч.: А евреев расстреливали не они?

Г.Г.: Ну, кто его знает, они же не у нас расстреливали.

Т.Ч.: Не здесь, да.

Г.Г.: Там говорят вот совхоз «Красный», так там была якобы это татарское... подразделение, что ли, и вот там...

Т.Ч.: Община, община такая.

Г.Г.: Да. Там они якобы расстреливали, но мы там не были, далеко все, это мы не знали.

Т.Ч.: Но слышали о таком?

Г.Г.: Слыхали разговоры, да.

Т.Ч.: Григорий Калинович, а о караимах тогда Вы что-нибудь слышали? Вот такое слово было известно, кто это, что это?

Г.Г.: Я не знаю, я только узнал вот этих караимов, когда вот уже после войны, а как? Я тут трактористом работал, а у нас был этоот... учетчик. Ну, его евреем, евреем считали. А он потом говорит: «Я не еврей, я караим».

Т.Ч.: Но немцы его не расстреляли?

Г.Г.: Так это ж уже после войны.

Т.Ч.: А, это после. А во время войны его здесь не было?

Г.Г.: Не было. Такое слышали, чтоб еврей... Их же немец сразу уничтожал.

Т.Ч.: Да-да. А вот были такие цыгане, которых называли чингине.

Г.Г.: Не слышал.

Т.Ч.: Не слышали о таких, да?

Г.Г.: Не слышал.

Т.Ч.: И о цыганских расстрелах каких-то, особенно здесь, тоже ничего не было

Г.Г.: Нет. Нет. Не слышал я.

Т.Ч.: Значит, вот в 44-м году выселили татар, а на их место?

Г.Г.: А потом на их место на это, уже когда наши дошли до Польши, тогда стали западников сюда заселять, нас же очень мало стало. Татар же вывезли.

Т.Ч.: Угу.

Г.Г.: Совсем редкое ж наследие стало.
Т.Ч.: Их было много до войны в Крыму?
Г.Г.: Да. Так вот стали западников вот этих.
Т.Ч.: То есть Западная Украина.
Г.Г.: Да. Заселять.
Т.Ч.: Это какие годы примерно?
Г.Г.: Из Винницкой области были, потом это, так тут эти так и пооставались.
Т.Ч.: И по сей час?
Г.Г.: И сейчас они западники живут тут. Так они пооставались.
Т.Ч.: Вот их туда вот в эти татарские дома?
Г.Г.: Нет.
Т.Ч.: А как?
Г.Г.: В татарские дома не особенно кто хотел идти.
Т.Ч.: Почему?
Г.Г.: А что там жить у татарских. Вот такое вот, такой вышины, помазанные сверху глиной.
Т.Ч.: Окошек не было?
Г.Г.: Нет, были окошки.
Т.Ч.: Были окошки, да.
Г.Г.: Окошки были. И у них как, какое построение? Ну, как у нас называется зал, а оптом, как кухня. А в кухне, значит, очаг. Вот такая труба аж наверх, вот такое вот. А тут они кушать варят.
Т.Ч.: Вот как. А женской и мужской половины не было в этих домах?
Г.Г.: Как?
Т.Ч.: Ну, вот комната специальная вот справа от зала и слева от зала, мужская половина и женская. Такого здесь не было, да?
Г.Г.: Не было. Они совместно жили, как и мы, так и они. Это, может, где дольные такие.
Т.Ч.: Вот на южном берегу так было.
Г.Г.: Ну, может, там было, да, а тут – нет. Тут простые, я бы сказал, были они, работали все: и женщины, и мужчины в поле.
Т.Ч.: Ясно. Ясно. А скажите, пожалуйста, а что вообще сделали с этими домами? Их потом разрушили или они сами разрушились?
Г.Г.: Нет. Потом некоторые сразу жили в них. Те, кому негде жить, то туда. Так же вот колхоз и остался в Шихеле. Значит, Шихельский колхоз. У них земля...
Т.Ч.: Вот там зцападники, да?
Г.Г.: Нет. Западники сюда не хотели тут.
Т.Ч.: Не хотели.
Г.Г.: Не хотели.
Т.Ч.: А кто там заселился?
Г.Г.: А такие вот наши.
Т.Ч.: То есть русские, украинцы?
Г.Г.: Да. Той с села, той с села. Поселились и все.
Т.Ч.: Угу, вот так вот.
Г.Г.: Ну, а потом уже у нас когда вот Егудин стал, он же это их в кучу всех.
Т.Ч.: То есть как это?
Г.Г.: Ну, пособирал. Ну, он Егудин здесь превый начал в Петровке.
Т.Ч.: А, то есть он стал создавать крупные колхозы.
Г.Г.: Да-да, он брал это все крупные. И этот Шихель он посмотрел, там в Шихеле нечего делать. И постепенно они разрушились у нас, и у нас купил. Бройлерная у нас на том месте, а то все разровняли, разгладили.
Т.Ч.: А еврейский колхоз?

Г.Г.: Ну, евреи на ту сторону, вот это ж я говорю, вот это я знаю Знаменка, так она осталась. Там сейчас...

Т.Ч.: То есть там продолжали жить евреи?

Г.Г.: Да.

Т.Ч.: Их не укрупняли, не сливали ни с кем?

Г.Г.: Нет, они уже укрупнились в колхоз «Россия» на ту сторону.

Т.Ч.: Да, это вот то, что сейчас «Восход».

Г.Г.: Да-да-да, «Восход». Там они укрупнились. А эту сторону, это наш колхоз «Дружба народов». Забирал села все, где такие маленькие были, разрушивали, там нечего было делать.

Т.Ч.: У Вас в Вашем селе никого не арестовывали после войны? Вот 46-ой, 47-ой, 48-ые годы.

Г.Г.: Нет, не было.

Т.Ч.: Не было, да, арестов?

Г.Г.: Не было. Вроде как предателей?

Т.Ч.: Ну да.

Г.Г.: Нет-нет-нет, не было такого.

Т.Ч.: Не было таоко. Вот судов таких показательных, чтобы...

Г.Г.: Не было, не было.

Т.Ч.: А с Вашим старостой что сделали?

Г.Г.: А ничего, пришли наши, а он так и жил.

Т.Ч.: То есть его не судили?

Г.Г.: Нет. А только что-то, было что-то такое, что он пришел, пришла его семья, значит, ну, якобы его хотели забрать. Ну, подписались все в каждом доме.

Т.Ч.: Да-да. Что он ничего плохого не сделал.

Г.Г.: Ничего.

Т.Ч.: Это была правда?

Г.Г.: Да.

Т.Ч.: Правда. А вот тот вот полицай Пасько, о котором Вы говорили?

Г.Г.: А его забрали. Забрали, и не знаю, где он.

Т.Ч.: И он не вернулся.

Г.Г.: Нет.

Т.Ч.: А его семья?

Г.Г.: Ну, его отец, мать там были. Они поуждали отсюда.

Т.Ч.: То есть никого не осталось?

Г.Г.: Нет.

Т.Ч.: А скажите, пожалуйста, а когда Ваш папа вернулся? В каком году?

Г.Г.: В 46-м.

Т.Ч.: И что, он мог работать здесь в колхозе?

Г.Г.: Он не в колхозе работал, он здесь немножко поработал тоже на маслозаводе, ну, на маслобойне. А потом в жизни, как говорится, негде у брата жить, негде ни у кого жить. И он уехал опять на союв Родину.

Т.Ч.: То есть в Кировоградскую область.

Г.Г.: Да.

Т.Ч.: Вот так. А Вы остались здесь?

Г.Г.: Ну, а мы уже... А куда я, чего я поеду туда?

Т.Ч.: Ну, да. Вы потом где-то учились еще или так и остались работать здесь?

Г.Г.: Я неделю поучился на тракторах и все. И как сел на трактор и до сорок... сорок восьмого, сорок девятого года работал там же в Миролубовке, а потом в армию ушел.

Т.Ч.: Все-таки призвали в армию, да?

Г.Г.: Да. А тогда ж нас призывали в 21 год.

Т.Ч.: Вот, в 21 год это было. Но Вам уже ж было больше. А нет, двадцать один год и было. 28-го, да, двадцать один год.

Г.Г.: Вот и меня забрали, и я в Москве все время служил.

Т.Ч.: В Москве.

Г.Г.: Да.

Т.Ч.: Это тогда три года служили?

Г.Г.: Четыре.

Т.Ч.: Четыре года.

Г.Г.: Почти четыре, там немножко не звалило. А я пришел уже аж в 52-м году в декабре месяце.

Т.Ч.: Сюда вернулись?

Г.Г.: Ну, я сюда приехал. И опять же трактора и работа на тракторе.

Т.Ч.: Тяжело люди жили в это время?

Г.Г.: Ну, конечно, тяжело. Я тяжело жил, как говорится, ни кола, ни двора. Если у некоторых родители дают все, как говорится, возможное, помощь, а у меня же брат. У брата трое детей, да и нас было, и сестры были же, и я был.

Т.Ч.: Сестры уже повыходили замуж, наверное. Да?

Г.Г.: Нет, сестер у меня забрали в Германию.

Т.Ч.: Вот так. Это во время немцев, да?

Г.Г.: Да, при немцах.

Т.Ч.: Одну или двух?

Г.Г.: Двоих забрали. Одна удрала, а двоих забрали.

Т.Ч.: то есть три сестры, одна удрала. А «удрала» что значит, она вернулась сюда?

Г.Г.: Да, опять.

Т.Ч.: Ну и что?

Г.Г.: Ну, и она тут жила.

Т.Ч.: Осталась, да?

Г.Г.: Да. А две было в этом, в Германии.

Т.Ч.: На работах?

Г.Г.: Да.

Т.Ч.: Вернулись?

Г.Г.: Вернулись. И одна сейчас живая, здесь в Курмане живет. Но она как узник.

Т.Ч.: Ну, конечно.

Г.Г.: А жила... работала на заводе, а жила в лагерях там. А вторая была, у хозяина работала.

Т.Ч.: Не обижали там особенно? Что рассказывала?

Г.Г.: Это, ну, одна говорит: «У хозяйки ничего, жить было можно». Она была у нас такая, как говорится, культурная. И любила по женскому все делать. А там была немка. Тоже мужика ее убили, тоже она сама жила. И вот она ухаживала за нею.

Т.Ч.: Эта сестра, как звали эту Вашу сестру вот?

Г.Г.: Одну Миля. Миля.

Т.Ч.: Это о ней Вы рассказываете, да?

Г.Г.: Да. А другая на заводе работала вот это.

Т.Ч.: Там потяжелее было.

Г.Г.: Да. Конечно. Под землю завод и в лагерях жила. Вот это сейчас у нее и документ есть, как узник вернулась.

Т.Ч.: Угу. Но, слава Богу, что осталась жива.

Г.Г.: Ну, осталась. Живет, 83 года сейчас уже ей. То она осталась

Т.Ч.: Ясно.

Г.Г.: А я с армии пришел, опять же нету ничего, У отца, чи у брата жена, когда я в армии был, жена померла. Та, которая воспитывала меня. Детей трое, так он нашел

женщину с двумя детьми. Пятеро детей и я пришел, некуда деваться. Пришлось решаться, и погулять не дали.

Т.Ч.: Срочно жениться.

Г.Г.: Ну, а куда деваться?

Т.Ч.: Ну да.

Г.Г.: Та й женился да и все.

Т.Ч.: По сей день вместе.

Г.Г.: Уже 53 года

Т.Ч.: Ой-ой-ой! И сколько же у Вас детей?

Г.Г.: Двое.

Т.Ч.: Двое.

Г.Г.: А дочка умерла.

Т.Ч.: Боже мой!

Г.Г.: В 46 лет померла.

Т.Ч.: Но внуки есть?

Г.Г.: Есть. А вот же один вот.

Т.Ч.: А, я видела. Да.

Г.Г.: А то правнук.

Т.Ч.: А то уже прануки. Так что теперь Вас все-таки много.

Г.Г.: Да. И так двое внуков есть еще.

Т.Ч.: Это у сестры?

Г.Г.: Нет, у сына.

Т.Ч.: А, у сына. Ясно. Ну, все-таки большая семья.

Г.Г.: Да, есть

Т.Ч.: Ясно.

Г.Г.: Надо, как говорится, помогать.

Т.Ч.: Ну, дай Боже, дай Боже помогать.

Г.Г.: А вот супруга заболела. Это плохо.

Т.Ч.: Это плохо.

Г.Г.: Сердечная.

Т.Ч.: А здесь кто-то... вообще вот есть какая-то социальная помощь, кто-то Вам помогает?

Г.Г.: Да нету ничего.

Т.Ч.: Никто.

Г.Г.: Ничего нету, мы сами своими силами.

Т.Ч.: Ну, дай Боже.

Г.Г.: Огородик свой, вот он, хозяйство, конечно, курочек держим и все. Больше ничего нет.

Т.Ч.: Сил не хватает?

Г.Г.: Да, конечно, не хватает. До всего надо, как говорится, крестьянину большие руки надо.

Т.Ч.: Да.

Г.Г.: Сильные руки надо, чтобы все было. И деревья пойдут, надо порядок дать, и в огороде надо порядок дять.

Т.Ч.: Дай Вам Боже еще сила, здоровья, чтобы все это Вам и чтобы жене полегче было.

Г.Г.: Так все говорят, а как оно будет?

Т.Ч.: Дай Бог, чтобы было получше. Спасибо Вам большое. Женечка, у Вас есть вопросы какие-то?

Е.К.: Нет.

Т.Ч.: Еще вот по ходу не возникло, да?

Е.К.: Да.

Т.Ч.: Спасибо.

Е.К.: Спасибо. Вы нам очень помогли, да.

Т.Ч.: Да. Спасибо.